



Утро имени В. Ф. Коммиссаржевской.

1.

Въ Ея театрѣ.

Въ томъ самомъ театрѣ, на Офицерской, гдѣ мы привыкли слышать Ея голосъ, видѣть Ея образъ.

Полонъ онъ сегодня, давно уже не былъ такъ полонъ молодыми лицами,—старыми знакомыми.

Ей Богу, кажется, я узнаю нѣкоторыхъ изъ постоянныхъ посѣлительницъ тогдашняго театра.

Стоя, молча прослушали передъ Ея портретомъ маршъ Шопена.

Играла его г-жа Штембергъ.

Дымовъ прочелъ тѣ милыя воспоминанія, которые вчера у насъ были напечатаны.

Только еще добавилъ, что теперь то, чему поклонялась Коммиссаржевская, не встрѣчаетъ **отвѣта**.

Иные теперь хозяева положенія.

Прочла г-жа Мичурина стихотвореніе Шепкиной-Куперникъ, которую Она такъ любила.

Пропѣлъ Тартаковъ.

Пропѣлъ бась Макаровъ.

Раздался гдѣ то глубоко за сценой хоръ изъ «Сестры Беатрисы».

И искали глаза:

— Гдѣ Она?

Искали сердце:

— Гдѣ Сестра Беатриса!

Все было такъ блаженно, такъ спойно и красиво.

И, вдругъ—ворвался ужасъ.

2.

— Я старая беременная змѣя. Я слышу какъ изъ меня ползутъ змѣйки.

— Здѣсь воняетъ падалю!

— Мой мозгъ пахнетъ сквернымъ соромъ.

Темно и жутко, и зябко, и неловко какъ то около ароматной памяти Ея видѣть эти отвратительныя рожи.

Ползутъ тѣни, пресмыкаются гады, отвратительныя гады въ образѣ человѣка.

Неужели этому искусству она служила?
Неужели это одинъ изъ этаповъ ея ароматной жизни!

Да,—это пятый актъ „Жизни человѣка“!..

Слышите, вѣдьмы кружатся вокругъ человѣка и подъ тактъ пошлой польки кричать.

— Какъ богато!

— Какъ пышно!

И слилось опять въ пьяной вакханалии.

И пахнетъ большимъ мозгомъ, сквернымъ сыркомъ, беременной змѣей...

Да...

И этому поклонялась Коммиссаржевская!

3.

Сначала кажется нелѣпой, кричащей дымовской гримасой мысль чествовать Ею пятый актъ изъ «Жизни человѣка».

Ну кто въ дѣломъ мѣрѣ вспомяная Ею, вспомнить Ею въ «Жизни Человѣка»?

И именно въ пятомъ актѣ, гдѣ Ея вовсе и по пѣсѣ не можетъ быть.

А потомъ...

Потомъ стало трогательно смотрѣть на гениальную ошибку Ея.

Можно сказать про человѣка:

— Покажи мнѣ твои ошибки и я скажу тебѣ кто ты!

Дымовъ (—горорять это его идея поставить пятый актъ) самъ того не подозрѣвая сдѣлалъ именно это.

Онъ показалъ одну изъ гениальныхъ ошибокъ Коммиссаржевской.

Одну изъ талантливѣйшихъ гримасъ Ея лица.

И отъ этого Она встала еще въ болѣе ростъ.

Когда говорятъ о мертвомъ, то всегда умалчиваютъ объ его ошибкахъ.

Ахъ, если покойникъ былъ хорошій человѣкъ, вы этимъ только повредите ему.

Кричите объ его ошибкахъ и онъ только выростетъ въ памяти окружающихъ.

И Коммиссаржевская дорога намъ всѣми своими ошибками.

Если убрать ошибки Коммиссаржевской, ничего не останется.

Потому что вся жизнь ея соткана изъ божественныхъ, прекраснѣйшихъ ошибокъ.

Н. Шебуевъ.

